

УДК 1:008(091); 930
ББК 60.033.145:63.3:81.41

Алексей Валерьевич Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Виктор Александрович Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

«Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского: контексты третьего письма (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского)¹

Аннотация. Предваряется публикация третьего «Исторического письма» В.И. Ламанского. Рассказывается об истории его написания. Обращается внимание на особенности публикуемого текста. Отмечается, что для третьего «Исторического письма» характерен акцент на констатации психологических отличий славян от германцев. Дается оценка панславизма Ламанского. Обращается внимание на то, что идеализированное восприятие славян у Ламанского обусловлено его увлеченностью романтической историософией в период написания «Исторических писем». При этом отмечено, что в зрелый период своего творчества Ламанский рассматривал славянскую культуру более реалистично, во многом отказавшись от романтизированного панславизма, заметного в публикуемых «Исторических письмах». Подчеркивается влияние политических взглядов Ламанского на его раннее творчество. Представленное письмо относится не к научному наследию Ламанского, а является ярким примером позднеславянофильской публицистики, пронизанной романтическим идеализмом и историософией. Обращается внимание также и на то, что взгляды Ламанского на национальный вопрос находятся в русле общеевропейской культуры XIX в. и были сформированы во многом под влиянием немецкой гуманитарной науки, прежде всего трудов В. Гумбольдта и И.Г. Гердера, и политической ситуации того времени.

Ключевые слова: русско-чешские связи, славянофильство, университетская философия, народность в науке, романтическая историография, панславизм, историософия

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 21-18-00153 (Санкт-Петербургский государственный университет). The article was prepared within the framework of the RGNF project No. 21-18-00153 (St. Petersburg State University).

Aleksey Valeryevich Malinov

St. Petersburg State University, Doctor in Philosophy, Professor, Professor, Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, St. Petersburg, e-mail: a.v.malinov@gmail.com

Victor Alexandrovich Kupriyanov

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences. D. in Philosophy, Senior Researcher; Sociological Institute of RAS - Branch of the Russian Academy of Sciences, Associated Researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

**«Historical Letters about the Relations
of the Russian Nation to its Tribesmen» by V.I. Lamansky:
the contexts of the third letter
(to the publication of «Historical Letters about the Relations
of the Russian Nation to its Tribesmen» by V.I. Lamansky)**

Abstract. The article serves as the introduction into the publication of the third “Historical letter” by V.I. Lamansky. The authors show the history of writing the third letter. Attention is drawn to the features of the published text. The authors point out that the third “Historical Letter” is characterized by an emphasis on the search for psychological differences between the Slavs and the Germans. An assessment of Lamansky's Panslavism is also given. It is highlighted that the time of writing “Historical letters” refers to the period when Lamansky was fascinated by romantic historiosophy, which led to his idealized perception of the Slavs. The authors note that although Lamansky never completely overcame his panslavic views, in many respects in the mature period of his work he considered Slavic culture more realistically, in many respects responding to the romanticized panslavism. The authors emphasize that Lamansky's early work was influenced by his political views. However, the presented text does not belong to the scientific heritage of Lamansky, but is a vivid example of late Slavophil journalism permeated with romantic idealism and historiosophy. The authors point out that Lamansky's views on the national question are in line with the general European culture of the 19th century; and Lamansky's political views were associated with political situations in his time.

Key words: Russian-Czech contacts, Slavophilism, university philosophy, nationality in science, romantic historiography, panslavism, historiosophy

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.049-064

Третье из «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского не имеет самостоятельного подзаголовка и, скорее, его автор продолжает и развивает темы, затронутые во втором и отчасти первом письме, а не разрабатывает новые². Тематическая общность писем в

² См.: Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2(10). С. 89–111 [1]; Куприянов В.А., Малинов А.В., Налдониова Л. Славянство и Запад в истории и культуре (к публикации «Исторических писем об отношениях

первую очередь проявляется в том, что Ламанский обильно иллюстрирует свои положения примерами из чешской истории, которые преобладают и во втором письме. В то же время в третьем письме заметно усиливаются публицистические приемы, например использование поэтических высказываний в качестве аргументов. Причем для усиления эффекта Ламанский дважды воспроизводит в своем тексте поэтические строки Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина, приводит большой фрагмент из стихотворения А.С. Хомякова «Мы род избранный, – говорили».

Затронутая во втором письме тема враждебного отношения германских народов к славянам здесь уже переводится в плоскость народной психологии. От перечисления многочисленных исторических фактов, подтверждающих, по мнению Ламанского, эту враждебность, ученый в третьем письме переходит к констатации различий в психическом типе славян и германцев. Он указывает на нетерпимость германцев, их враждебное отношение к другим народам и, напротив, по контрасту, выводит народный характер славян из общинного духа, восприимчивости инородных взглядов и культур.

Еще в магистерской диссертации Ламанский формулировал черты славянского психического типа, используя их для объяснения некоторые исторические явления. «Итак, – писал он, – любовь к свободе, упорство и ничем неискоренимая уверенность, пока жива народность, в том, что пасть окончательно не суждено, – вот одна из отличительнейших черт общеславянского народного характера» [3, с. 309]. Такими «общими и любезными качествами славян», как «отсутствие всякой гордости и надменности в обращении с иноплеменниками, всегда столь отталкивающих, живая восприимчивость, неразлучная с желанием и умением привлекать и привязывать к себе чужих», Ламанский, в частности, объяснял проникновение и распространение славян в средневековой Испании³.

Все эти психологические характеристики, приводимые Ламанским, восходят к историософии А.С. Хомякова. Точнее, к предложенному им делению народов на земледельцев-домостроителей и кочевников-завоевателей. Это, так сказать, идеальные типы, многообразно обнаруживавшиеся в истории. К первому из них принадлежат славяне, ко второму – германцы. И здесь важен не образ жизни, не хозяйственный быт, а именно психический склад. Ведь едва ли найдется исследователь, серьезно считающий германцев кочевникам, за исключением, пожалуй, периода великого переселения народов. В народах-домостроителях проявляются общечеловеческие начала. Они терпимы и восприимчивы к другим племенам и в то же время лишены «упорного характера

русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 1(73). С. 47–61. DOI 10.17588/2076-9210.2022.1.116-137 [2].

³ См.: Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1859 (370 с. + 229 с.). С. 108–109 [4].

личности»⁴. Народы-завоеватели наделены чувством личной гордости, презирают все иноплеменное и чужое. По словам А.С. Хомякова, народы-земледельцы благословляют «всякое племя на жизнь вечную и развитие самобытное»⁵, а народы-завоеватели не щадят побежденных. История демонстрирует постоянные столкновения и противоборство этих двух типов народов, в результате которого народы-домостроители постепенно утрачивают свои «врожденные коренные начала».

Влиянием А.С. Хомякова можно объяснить и постоянное обращение Ламанского даже, казалось бы, в чисто исторических исследованиях к современности. Достоверность исторических фактов он нередко подтверждал указанием на сохранение аналогичных явлений в жизни славянских народов. Подобного рода аналогиями была наполнена и его магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859 г.), подвергавшаяся критике за использование ненаучной аргументации. Однако славянофилы исходили из убеждения о единстве славянских народов как в прошлом, так и в настоящее время, полагая, что это единство позволяет проецировать артикулируемый современностью смысл на минувшие эпохи. А.С. Хомяков выражал этот принцип в почти афористичном выражении: «Хотите узнать то, что было, – сперва узнайте то, что есть. Возвратный ход, т. е. от современного к старому, от старого к древнему, не может создать истории; но он, и он один, может служить ее проверкою» [5, с. 33]. Значение магистерской диссертации Ламанского состояло в том, что в ней впервые была определенно высказана славянофильская точка зрения на историю славян, у ранних славянофилов вообще мало выясненная. К «Историческим письмам» он приступил вскоре после защиты диссертации. В них он старался затронуть те сюжеты, которых не касался в диссертации.

К спорам славянофилов с западниками восходит и историософия, которую использует Ламанский. Таково, например, признание германских народов изначальными носителями принципа личности, а славян – принципа общинности. Однако, в отличие от своих славянофильских предшественников, Ламанский видел и отрицательную сторону в чрезмерной восприимчивости и доверчивости славян. Братские отношения нередко переходили в увлечение иностранной культурой, провоцировали неумеренную подражательность и отказ от своей самобытности. Как личность терялась в общине, так и народная культура растворялась в заимствованиях, переходящих в преклонение перед всем чужеземным. В этом, по выражению Ю. Крижанича, «чужебесии» Ламанский и укоряет славян. Даже возрождение своей национальности и культуры, замечает он, славяне, как правило, связывают с восприятием иностранных форм и образцов. В этих увлечениях славяне доходят до полного самозабвения и самоот-

⁴ См.: Хомяков А.С. Семирамида. (И<сследование> и<стины> и<исторических> и<дей>) // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т. I. Работы по историософии. М.: Московский философский фонд. Изд-во «Медиум», 1994. С. 100 [5].

⁵ Там же. С. 99.

рицания. Однако отказ от выработки самобытной культуры ставит крест на славянах как историческом народе. Заветная же мысль славянофилов, которой не изменял и Ламанский, состояла в чаянии и приближении славянской (все-славянской) цивилизации, которая могла бы на равных заявить о себе перед романо-германской культурой. Полнее эти мысли Ламанского были выражены в учении о греко-славянском, или Среднем, мире – самостоятельном цивилизационном центре, противостоящем как романо-германской, так и собственно азиатской цивилизации. Славяне – народ христианский. В их культуре и истории полнее всего воплотились христианские начала братства и любви. Христианские идеалы совпадают с характером славянских народов, и в этом Ламанский видел залог преодоления того народного отчуждения и культурного самоотрицания, которое поглотило и обессилило славян. Здесь он подходит к главной мысли своего третьего письма – панславизму.

Историческая и славяноведческая литература богата исследованиями о панславизме, в которых он не обязательно рассматривается в исключительно критическом или даже отрицательном ключе. Укажем лишь некоторые, в том числе последние, издания⁶. Однако учение Ламанского, как правило, излагается с опорой на очень узкую источниковедческую и историографическую базу. Нередко авторы просто ограничиваются пересказом взглядов Ламанского.

Для характеристики панславизма Ламанского необходимо помнить, что он выводил его из противопоставления германизму, понимая панславизм как противовес тому враждебному славянам и угнетающему их началу, которым выступает германство. Уже в ранних своих работах по истории русского XVIII в., в том числе в исследованиях по истории Академии наук и о М.В. Ломоносове,

⁶ См., например: Гердт Я.В. Роль экспансии в российских панславистских теориях второй половины XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29(167). Филология. Социология. Культурология. Вып. 13. С. 144–151 [6]; Кудряшев В.Н. Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. 2010. Ноябрь, № 364. С. 65–71 [7]; Киселев В.С. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // Русин. 2015. № 3(41). С. 108–127 [8]; Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. 381 с. [9]; Прокудин Б.А. Идеи славянского единства в политической мысли России XIX века. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 132 с. [10]; Прокудин Б.А. В.И. Ламанский о единстве славян // Вестник Российской нации. 2016. № 3. С. 70–82 [11]; Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 218 с. [12]; Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Аквилон», 2018. 376 с. [13]; Тесля А.А. Несколько замечаний о «славянском вопросе» в дебатах о «народности» и «нации» 1840–1870-х гг. // Пути России. Новый старый порядок – вечное возвращение? М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2016. С. 211–221 [14]; Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60 [15]; Досталь М.Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 85–91 [16]; Černý V. Vývoj a zločiny panslavismu. Praha: Inst. pro středoevrop. kulturu a politiku, 1995. 151 s. [17]; Vlček R. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha: Historický ústav AV ČR, 2002. 291 s. [18].

Ламанский указывал на недоброжелательное отношение немцев к русским и славянам, а в докторской диссертации оспаривал мнения немецких ученых о славянах. «Настоящий панславизм, – писал он, – ... имеет прямою своею задачею опровергнуть и уничтожить в теории и на практике, вырвать с корнем из сознания любимую германскую идею о славянах, как о расе низшей, кем-то предназначенной служить и покорствоваться Германии» [19]. И все же панславизм Ламанского не следует понимать как идею отрицательную или как реакцию на немецкую экспансию. С этой точки зрения учение Ламанского нередко и до сих пор оценивают как вариант имперского экспансионизма. Он же, напротив, полагал, что объединение славян выгодно не только России, но и, может быть даже в большей степени, южным и западным славянам. В статье «Россия уже тем полезна славянам, что она существует», в заглавие которой вынесены слова И.С. Аксакова, он замечал: «На пользе России для славян и пользе славян для России и утверждается учение о солидарности и общности их национальных интересов. Сознание ее в умах русских и славянских и составляет так называемую идею славянскую. Она лежит в основе различных учений панславизма» [20, с. 10–33].

У истоков идеи панславизма, по мнению Ламанского, стоит теория литературной взаимности Я. Колара. Однако ее распространение во многом оказалось обязано немцам, увидевшим в ней опасность своему господству над славянами и взявшимися ее опровергать и пугать ею европейцев. «Слово Панславизм было произнесено. Посылка молодых русских ученых (Прейса, Срезневского, Бодянского, Григоровича) в славянские земли и открытие славянских кафедр в русских университетах дало новые поводы немцам рассуждать об опасностях, грозящих Европе от Панславизма. Образовалась целая литература Панславизма», – объяснял Ламанский в лекциях парадоксальную историю идеи панславизма [21].

Восприимчивость и доверчивость, свойственные славянам, должны быть направлены на своих соплеменников, а не на чужеземцев. «Чужебесие» преодолевается «племенным сочувствием», формирующим уважительное отношение к научным и культурным достижениям других славян как к своим собственным. Ламанский считал, что славянам следует гордиться успехами всех славянских народов, поддерживать и развивать их. Первым средством на пути к славянскому сближению должно стать научное и литературное общение славян, усвоение культурных достижений друг друга. В этом и состоит, по выражению Ламанского, «чистый панславизм». Этой цели служит, по его мнению, и славяноведение как учебная и научная дисциплина, на поприще которой он преуспел⁷.

Ламанский истолковывал панславизм по славянофильской формуле соборности: единство во множестве, основанное на свободе и любви. Для оправ-

⁷ См.: Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с. [22].

дания панславизма он неслучайно использовал метафору хора. Панславизм предполагает внутреннее (духовное, ментальное, психологическое) единство славян при сохранении внешнего разнообразия. Конечно, внутреннее единство по мере укрепления будет диктовать и определенную внешнюю общую форму, приведет к политическому единству. Ламанский признавал, что необходимыми условиями выработки самобытной культуры, т. е. становления цивилизации, является крепкое независимое государство и развитый и богатый литературный язык. Средством общения и культурного сближения славян должен стать единый научный, культурный и дипломатический язык. Исторически различные славянские культуры и языки достигали высокой степени развития и совершенства: литература Дубровника в XV–XVI в., Чехия в XV в., Польша в XVI – начале XVII в. По мнению Ламанского, в XIX в. на пространстве Восточной Европы и Северной Азии нет конкурентов у русского языка, который и мог бы взять на себя роль проводника в общении и сближении славянских (и не только) народов. Вопрос о политической конфигурации славянской цивилизации Ламанский не затрагивал ни в «Исторических письмах», ни в более поздних работах. Однако он оспаривал общее мнение государствоведения XIX в., восходящее к европейской науке, о том, что одному государству должен соответствовать один народ. Как утверждал еще Н.Я. Данилевский, каждый народ, даже малочисленный, имеет право на самостоятельное политическое существование, правда, лишь в той мере, в какой сознает эту потребность и способен распорядиться свободой и возможностями, предоставляемыми государственной формой жизни. Он предусматривал федеративное устройство Все-славянского союза, когда каждый народ имел бы свое государство или автономию. Ламанский не заходил столь далеко в своих политических проектах. Он лишь указывал, что политическая независимость славянских народов – цель вполне достижимая. Однако маленькие и слабые славянские государства никогда не смогут в полной мере стать самостоятельными и подпадут под влияние более сильных соседей. То же можно сказать и об отдельных славянских литературах и культурах. В перспективе славянам следует составить и единое политическое целое, контуры которого Ламанский отказывался обозначать, считая это преждевременным. Даже четверть века спустя после написания «Исторических писем» он полагал, что вопрос о политическом будущем славянства является предметом обсуждения, а не дела: «Подходит время важное и чреватое событиями, для западного славянства еще, быть может, более важное, чем для самой России, – замечал он. – Вопрос о будущей организации славянства имеет для него еще более важное значение, чем для самой России. Вопрос о будущей организации славянства, вопрос славянский вообще, достиг нынешнего своего фазиса благодаря лишь тому, что существует Россия: не будь ее, не было бы в Европе никаких серьезных разговоров, помышлений и опасений относительно славянства. Этот славянский вопрос подлежит обсуждению и разрешению, хотя бы только в сознании, не иначе как совокупными усилиями России и всех

западных славянских народностей» [23, с. 557–558]. Впрочем, существует мнение, правда недостаточно обоснованное, о федералистских предпочтениях Ламанского⁸. Принципиальным для Ламанского оставалось убеждение в том, что любые политические перспективы славянства не отделимы от России, от ее международного положения и политического состояния, что было обусловлено политической ситуацией в Европе во второй половине XIX в. Если славянские государства – это область возможного бытия, то Россия – политическая реальность, в силовом поле которой только и реализуемо государственное самоопределение других славянских народов. Ламанский, как и многие русские политические мыслители, видел в России объединяющую силу на Востоке, вокруг которой могут собираться другие государства.

А.И. Ламанский писал: «Одно предположение, одна мысль, что Россия будет ослаблена, сокращена, унижена, не могут не повергнуть каждого доброго славянина в трепет и отчаяние. Одни славяне в течение двухсот, другие в течение четырехсот лет слишком смотрели на Россию как на надежду лучших дней, как на грозу своих врагов и угнетателей, как на будущую свою избавительницу. <...> Гром побед Петра Великого, Елизаветы и Екатерины II, подвиги Суворовских богатырей, пожар Москвы и бегство Наполеона с его армией разбудили заснувшие силы славян, подняли их на ноги, убедили их, что они принадлежат к великому племени, а не рождены для рабства азиятам и немцам. Освобождение Молдавии, Валахии, Греции, Сербии, развитие и усиление Черногории, наконец, освобождение Болгарии, аграрная реформа в русской Польше красноречиво засвидетельствовали, что Россия ясно сознает свои исторические задачи. Развитие и успехи русской литературы и науки согревали чувство, будили славянскую мысль. С возрастанием могущества России, с раскрытием ее духа поднимались и распушались славянские народности. В спокойные времена они нередко забывают о России, или даже побранивают ее, говоря, что она де ничего для славян не делает, что все де что имеем, добыли сами. Но как только России или им самим грозит напасть, они мгновенно уразумевают, что такое для них была и есть Россия» [23, с. 560]. Еще в своем вступительном чтении в Санкт-Петербургском университете Ламанский указывал на политические события (походы А.В. Суворова, наполеоновские войны), «пробудившее заснувшее самосознание» западных славян. Он рассматривал панславистские теории, рожденные в «сбродной империи Габсбургов», иллирийскую теорию Л. Гая, учение Й.Ю. Штроссмайера, Ф. Рачкого и чешский панславизм Ф. Палацкого, К. Гавличка и Ф.Л. Ригера⁹. В одном из писем И.С. Аксакову, датированном 28 октября 1861 г., т.е., скорее всего, в период работы над третьим «Историческим письмом», Ламанский ясно давал понять, что австрийский пансла-

⁸ См.: Коваленко В.И. Идеи федерализма в русской политической мысли // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 3. 56–75 [24].

⁹ См.: Ламанский В.И. Вступительное чтение доцента Петербургского университета В.И. Ламанского. М.: В типографии Бахметьева, 1865. С. 19–24 [25].

визм направлен против России: «Для нас – великороссов союз западных славян может быть вообразим только, как временная сделка, но верить в его прочность мы не можем. Федерация – союз кантонов – Staatenbund – в славянском мире не возможен, осужден историей. Остается следовательно Bundesstaat. Если Rakousko (Австрия. – А.М.) Ваша будет им (австрийским славянам. – А.М.), то с началом немецким и Вам враждебным»¹⁰.

Однако не только военные победы, но и, может быть, в большей степени успешные социальные преобразования, достижения русской науки и культуры вдохновляют панславистские ожидания. То, что без России теряет свою жизненную силу идея славянского единства и взаимности, Ламанский иллюстрировал указанием на то, что любые проекты, направленные против славянского единства, были и есть проекты антирусские. «Все усилия и старания поднять и направить славян против России, – рассуждал он, – никогда не могли увенчаться полным успехом и осуждены заранее неудачам. Европе удавалось и удастся создавать в интеллигенции той или другой славянской земли различные антирусские партии, которые и имеют временный успех. Но ядро народов остается недостижимым европейской интриге. При этом еще всегда замечается следующее явление. Как только какая-нибудь анти-русская партия успеет утвердиться в той или другой славянской народности и начинает в ней господствовать, тотчас вся прочая оставшаяся не у дел и обиженная интеллигенция, частью под влиянием личных расчетов, частью под давлением общенародного чувства, возмущенного господством в стране иноплеменного анти-русского и следовательно анти-славянского направления, начинает мало по малу переходить на народную почву и искать сближения с Россией, усиления ее влияния в своей стране. Так бывало уже много раз и так всегда будет во всех славянских и единоверных нам землях, пока есть в них народ и пока Европа не перестанет пытаться заводить в них свои партии» [23, с. 562]. Противовесом панславизму выступают не антиславянские, а именно антирусские движения, которые, по убеждению Ламанского, создаются и поддерживаются в славянской среде извне.

Ламанский не мог не признавать, что славяне, прежде всего западные, очень настороженно относятся к идее панславизма и ее возможным политическим практикам. С целью развеять эти опасения он приводил в третьем письме мнения самих западных славян (чехов и поляков), оправдывающих славянское единство. Он пытался показать давность этой идеи, проходящей через всю историю славянства. Напротив, полагал он, отказ от единства искажал славянскую культуру и приводил к многочисленным историческим несчастьям и страданиям.

Впрочем, доводы и рассуждения Ламанского в «Исторических письмах» выглядят идеалистичными. Это рассуждения кабинетного ученого, черпающего свои представления и познания исключительно из книг. Причина этого, ве-

¹⁰ См.: Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 107–108 [26].

роятно, состоит в том, что Ламанский работал над «Историческими письмами» еще до своей первой поездки в славянские земли (1862–1864 гг.). Как уже отмечалось, «Исторические письма», скорее всего, предназначались для публикации в аксаковской газете «Парус», издание которой прекратилось в 1859 г. на втором номере. В ответе А.А. Кирееву (1888 г.) Ламанский, упоминая свое участие в славянофильских изданиях, писал: «С начала 50-х годов я всею душою примкнул к этому направлению (славянофилам. – *А.М.*). Как ни мало я вообще печатался, я принимал некоторое участие в их органах, в “Русской Беседе”, “Дне”, “Москве”, “Руси”. Для “Паруса” были приготовлены мною Славянские письма. Они и теперь у меня хранятся вместе с письмами о них И.С. Аксакова» [27, с. 213]. Прошедшие с того времени почти три десятилетия и полемический характер статьи, возможно, являются причиной путаницы в названии «писем», передающем, однако, точно их смысл. Запрещенному цензурой «Парусу» должна была наследовать газета «Пароход», затем И.С. Аксаков приступил к изданию газеты «День». Все это стимулировало Ламанского к продолжению работы над циклом «Исторических писем». Так, третье письмо, скорее всего, можно датировать 1-й пол. 1861 – нач. 1862 г. Непосредственное знакомство со славянами, дружеские отношения со славянской интеллигенцией и учеными хотя и не искоренили вполне романтического восприятия славянства, но сделали взгляды Ламанского более практически осмысленными и политически реалистичными. Четверть века спустя это привело к решительному пересмотру его панславизма, вызвавшему даже конфликт в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, в котором он председательствовал¹¹. «Ответ генералу Кирееву» – фрагмент этой полемики. С годами Ламанский отказался от многих панславистских иллюзий, однако не перестал симпатизировать «литературному панславизму».

Надо признать, что и в русском обществе идеи панславизма не встречали широкого сочувствия, по крайней мере, за пределами патриотического подъема и народных симпатий, вызванных войной за освобождение Болгарии (1877–1878 гг.) и предшествующими ей событиям. А.Н. Пыпин с полным правом мог констатировать, что «дома на них (русских панславистов. – *А.М.*) едва обращали внимание, они едва были терпимы, а иногда им приходилось даже довольно жутко»¹². В речи «Панславист Людевит Штур и его учение», произнесенной в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе 11 мая 1884 г. и посвященной Ламанскому, серболужицкий писатель Я. Краль констатировал, что «на панславизм преобладает теперь в России отрицательный взгляд»¹³. Русское

¹¹ См.: Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47 [28].

¹² См.: Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Изд-во «Колос», 1913. С. 74 [29].

¹³ См.: Краль Я. Панславист Людевит Штур и его учение // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 7. С. 21 [30].

правительство опасается, что панславизм повредит «добрым» отношениям с Европой. С другой стороны, и Европа испытывает страх перед принципом общины, который заложен в славянской идее, пропагандирующей основы славянской исторической жизни. «Там боятся не панславизма, а именно этих начал, которые способны будто бы перевернуть вверх дном весь современный европейский строй, насквозь проникнутый индивидуализмом», – заключал Я. Краль [30, с. 21].

Ламанский никогда не отрицал своих панславистских убеждений. В статье 1886 г. «О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта» он прямо соотносил свои взгляды с идеями Л. Штура, Н.Я. Данилевского, Ф.И. Тютчева, А.Ф. Гильфердинга, И.С. Аксакова, Р.А. Фадеева. «Мне выпало счастье, – писал он, – впервые познакомить русскую и славянскую публику с прекрасным трудом возвышенного, даровитого Штура. Покойный же Данилевский, дружелюбным вниманием которого я стал пользоваться со времени нашего знакомства, с половины 60-х годов, знакомил меня с своим великолепным произведением еще в рукописи, когда оно у него обдумывалось и писалось. С покойным Гильфердингом, Данилевским, генералом Фадеевым, Тютчевым, Аксаковым, которых всех, и не без основания, называли на Западе панславистами, я проводил бывало много часов в беседах о различных вопросах славянских и о разных фазисах восточного вопроса. Во многих брошюрах и статьях различных славянских, мадьярских и немецких авторов, с начала 60 годов и по настоящее время, мне случалось встречать сочувственные или бранные упоминания моего имени, как одного из приверженцев и сеятелей панславизма» [23, с. 557].

Идеология панславизма, однако, служила основой не столько научной и преподавательской, сколько публицистической деятельности Ламанского. Его исследования по славянской истории и славянским языкам лишь поставляли факты, панславистски обобщаемые. При этом Ламанский явно ощущал в себе нереализованный потенциал не только политического мыслителя, но и деятеля. При иных обстоятельствах он, вероятно, мог проявить себя как русский Т. Маколей или А. Тьер. В одном из писем И.С. Аксакову в 1882 г. он сожалел о том, что «высшие сферы» игнорируют мнения ученых, т. е. не заинтересованы в его политических советах¹⁴, а 25 сентября 1885 г. писал тому же адресату, рассуждая о возможном союзе России с Германией против Австрии: «В панславизме ближайшее будущее принадлежит той славянской мысли, которую в pendant немецкой можно бы назвать мало-славянской, а не велико-славянской».

Чем меньше будет славян католиков в первом славянском союзе, тем лучше для него. Славяне католики больше принесут помощи славянству, если попадут пока в союз немецкий» [32]. Эти политические соображения отчасти

¹⁴ См.: Куприянов В.А., Малинов А.В. Университетская карьера В.И. Ламанского // Славяноведение. 2019. № 1. С. 107–108 [31].

объясняют и его полемические выступления на страницах «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» с критикой западных славян (не только поляков, но и чехов), отказывая им в чувстве славянского единства.

Впрочем, подобные политические оговорки, которыми Ламанский начал ограничивать панславистские реалии, появились позднее. В пору написания «Исторических писем» он мыслил в категориях романтического «народного духа» и новой эпохи в истории славянства – эпохи самосознания, приходящей на смену периоду ученичества и подражания. Наступила пора славянам, полагал он, проявить свое самобытное творчество и самим выступить в качестве создателей и проводников высшей культуры. Признаком такого самосознания как раз и является пробуждение в русском обществе интереса и сочувствия к соплеменникам, тесное умственное и литературное общение с ними. Эти рассуждения Ламанского уже прямо перекликались с его программной статьёй «О распространении знаний в России», опубликованной в журнале «Современник» в 1857 г.

«Исторические письма» Ламанского представляют собой яркий пример славянофильской историософской публицистики, живо откликавшейся на политическую обстановку и проникнутой романтическим идеализмом. Стоит при этом отметить, что взгляды Ламанского во многом развивались в русле общеевропейской интеллектуальной культуры, ведь в самой идее о славянах как о самостоятельной общности он следовал концепциям И.Г. Гердера, дополняя их гумбольдтовской романтической лингвистикой, влияние которой непосредственно прослеживается в «Исторических письмах». В свою очередь, антигерманские взгляды Ламанского отражают антиславянские настроения, господствовавшие в Германии и в Австрии в те времена¹⁵. Во многом немецкий антиславизм и антигерманизм поздних славянофилов оказались обусловлены особенностями романтической историографии, делавшей акцент на национальной идентичности и народном своеобразии, однако важным был и фактор политической борьбы, которая развернулась в Европе во второй половине XIX в. (постепенное нарастание противоречий между крупными европейскими державами, приведшее в конечном итоге к трагедии Первой мировой войны) и на которую Ламанский активно откликался как политический публицист.

Третье «Историческое письмо» Ламанского – последняя из завершённых и набело переписанных статей этого цикла. Оно публикуется по рукописи, отложившейся в фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр.108. Л. 1–43.

¹⁵ См.: Vlahek D. Deutschnationaler und nationalsozialistischer Antislawismus – Kontinuitäten und Paradigmenwechsel eines heterogenen Ressentiments (1848–1945) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2022. Bd. 71, № 1. S. 1–38 [33].

Список литературы

1. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2(10). С. 89–111.
2. Куприянов В.А., Малинов А.В., Налдонова Л. Славянство и Запад в истории и культуре (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // *Соловьёвские исследования*. 2022. Вып. 1(73). С. 47–61. DOI 10.17588/2076-9210.2022.1.116-137
3. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1859. 370 с. + 229 с.
4. Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1859. 229 с.
5. Хомяков А.С. Семирамида (Исследование и стины и исторических и дей) // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т. I. Работы по историософии / вступ. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева; примеч. В.А. Кошелева, Н.В. Серебрянникова, А.В. Чернова. М.: Московский философский фонд. Изд-во «Медиум», 1994. С. 16–446.
6. Гердт Я.В. Роль экспансии в российских панславистских теориях второй половины XIX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 29(167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. С. 144–151.
7. Кудряшев В.Н. Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. Ноябрь, № 364. С. 65–71.
8. Киселев В.С. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // *Русин*. 2015. № 3(41). С. 108–127.
9. Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. 381 с.
10. Прокудин Б.А. Идеи славянского единства в политической мысли России XIX века. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 132 с.
11. Прокудин Б.А. В.И. Ламанский о единстве славян // *Вестник Российской нации*. 2016. № 3. С. 70–82.
12. Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 218 с.
13. Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Аквилон», 2018. 376 с.
14. Тесля А.А. Несколько замечаний о «славянском вопросе» в дебатах о «народности» и «нации» 1840–1870-х гг. // *Пути России. Новый старый порядок – вечное возвращение?* М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2016. С. 211–221.
15. Павленко О.В. Панславизм // *Славяноведение*. 1998. № 6. С. 43–60.
16. Досталь М.Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // *Славянский альманах*. 2000. М., 2001. С. 85–91.
17. Černý V. Vývoj a zločiny panslavismu. Praha: Inst. pro středoevrop. kulturu a politiku, 1995. 151 s.
18. Vlček R. Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha: Historicky ustav AV CR, 2002. 291 s.
19. Ламанский В.И. Об изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Типография Майкова, 1871. 316 с.
20. Ламанский В.И. Россия уже тем полезна славянам, что она существует (Посвящается И.С. Аксакову) // *Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины*. СПб.: Типография А.А. Краевского, 1876. С. 10–33.
21. Ламанский В.И. Введение в славяноведение. [СПб., 1891] (литография). 175 с.

22. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.

23. Ламанский А.И. О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 557–558.

24. Коваленко В.И. Идеи федерализма в русской политической мысли // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 3. С. 56–75.

25. Ламанский В.И. Вступительное чтение доцента Петербургского университета В.И. Ламанского. М.: Типография Бахметьева, 1865. С. 19–24.

26. Переписка двух славянофилов / Сообщила О.В. Покровская-Ламанская; с прим. Н.В. Ястребова // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 85–114.

27. Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4–5. С. 203–235.

28. Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.

29. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Изд-во «Колос», 1913. 189 с.

30. Краль Я. Панславист Людевит Штур и его учение // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 7. С. 19–23.

31. Куприянов В.А., Малинов А.В. Университетская карьера В.И. Ламанского // Славяноведение. 2019. № 1. С. 103–118.

32. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.

33. Vlahek D. Deutschnationaler und nationalsozialistischer Antislavismus – Kontinuitäten und Paradigmenwechsel eines heterogenen Ressentiments (1848–1945) // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2022. Bd. 71 № 1. S. 1–38.

References

(Sources)

Collected Works

1. Khomyakov, A.S. Semiramida (I<ssledovanie> i<stiny> i<storicheskikh> i<dey>) [Semiramide. (And<research> and<truth> and<historical> and<action>)], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. I. Raboty po istoriosofii* [Works in 2 vol., vol. I. Works on historiosophy]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. Izdatel'stvo «Medium», 1994, pp. 16–446.

Individual Works

2. Kral', Ya. Panslavist Lyudevits Shtur i ego uchenie [Pan-Slavist Ljudevit Stuhr and his teachings], in *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, 1884, no. 7, pp 19–23.

3. Lamanskiy, A.I. O polozhenii bolgarskikh slavyanskikh del s tochki zreniya istorika i slavista [On the state of Bulgarian Slavic affairs from the point of view of a historian and Slavist], in *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, 1886, no. 12, pp. 557–558.

4. Lamanskiy, V.I. Istoricheskie zamechaniya k sochineniyu «O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii» [Historical remarks on the essay “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], in Lamanskiy, V.I. *O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii* [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1859, pp. 108–109.

5. Lamanskiy, V.I. *O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii* [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1859. 370 p. + 229 p.

6. Lamanskiy, V.I. *Ob izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope* [On the study of the Greek-Slavic world in Europe]. Saint-Petersburg: Tipografiya Maykova, 1871. 316 p.

7. Lamanskiy, V.I. Otkrytyy otvet generalu Kireevu [An open response to General Kireev], in *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, 1888, no. 4–5, pp. 203–235.

8. Lamanskiy, V.I. Rossiya uzhe tem polezna slavyanam, chto ona sushchestvuet (Posvyashchaetsya I.S. Aksakovu) [Russia is already useful to the Slavs because it exists (Dedicated to I.S. Aksakov)], in *Bratskaya pomoshch' postradavshim semeystvam Bosnii i Gertsegoviny*. Saint-Petersburg: Tipografiya A.A. Kraevskogo, 1876, pp. 10–33.

9. Lamanskiy, V.I. *Vstupitel'noe chtenie dotsenta Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskogo* [Introductory reading by Associate Professor of St. Petersburg University V.I. Lamansky]. Moscow: Tipografiya Bakhmet'eva, 1865, pp. 19–24.

10. Lamanskiy, V.I. *Vvedenie v slavyanovedenie* [Introduction to Slavic Studies]. Saint-Petersburg, 1891. 175 p.

11. Perepiska dvukh slavyanofilov [Correspondence of two Slavophiles], in *Russkaya mysl'*, 1916, book 12, pp. 85–114.

12. Pypin, A.N. *Panslavizm v proshlom i nastoyashchem* [Pan-Slavism past and present]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Kolos», 1913. 189 p.

(Articles from Scientific Journals)

13. Dostal', M.Yu. Slavyanskiy mir i slavyanskaya ideya v filosofskikh postroeniyyakh i «praktike» rannikh slavyanofilov [The Slavic world and the Slavic idea in the philosophical constructions and “practice” of the early Slavophiles], in *Slavyanskiy al'manakh*. Moscow, 2001, pp. 85–91.

14. Gerdt, Ya.V. Rol' ekspansii v rossiyskikh panslavistskikh teoriyakh vtoroy poloviny XIX veka [The Role of Expansion in Russian Pan-Slavic Theories of the Second Half of the 19th Century], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 2009, no. 29(167), issue 13, pp. 144–151.

15. Kiselev, V.S. Panslavizm i konstruirovaniye natsional'noy identichnosti v russkoy i pol'skoy slovesnosti XIX v. [Pan-Slavism and the construction of national identity in Russian and Polish literature of the 19th century], in *Rusin*, 2015, no. 3(41), pp. 108–127.

16. Kovalenko, V.I. Idei federalizma v russkoy politicheskoy mysli [Ideas of Federalism in Russian Political Thought], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, 2015, no. 3, pp. 56–75.

17. Kudryashev, V.N. Transformatsiya slavyanofil'stva v panslavizm kak smena kontseptsii russkogo natsionalizma [The transformation of Slavophilism into pan-Slavism as a change in the concept of Russian nationalism], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 364, pp. 65–71.

18. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V., Naldoniova, L. Slavyanstvo i Zapad v istorii i kul'ture (k publikatsii «Istoricheskikh pisem ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego soplemennikam» V.I. Lamanskogo) [Slavs and the West in History and Culture (to the publication of “Historical Letters on the Attitudes of the Russian People towards their Compatriots” by V.I. Lamansky)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 1(73), pp. 47–61. DOI 10.17588/2076-9210.2022.1.116-137

19. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. «Ya sluzhu narodnosti...» (k publikatsii «Istoricheskikh pisem ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego soplemennikam» V.I. Lamanskogo) [“I serve the people...” (to the publication of “Historical Letters on the Relations of the Russian People to Its Compatriots” by V.I. Lamansky)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, no. 2(10), pp. 89–111. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2016.207

20. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. Universitetskaya kar'era V.I. Lamanskogo [University career of V.I. Lamansky], in *Slavyanovedenie*, 2019, no. 1, pp. 103–118.

21. Medovarov, M.V., Snezhnitskaya, S.I. Raskol sredi pozdnykh slavyanofilov i rol' V.I. Lamanskogo v nem (1887–1897 gg.) [The split among the late Slavophiles and the role of V.I. Lamansky in it (1887–1897 gg.)]

V.I. Lamansky in it (1887–1897)], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2019, no. 5, pp. 38–47.

22. Pavlenko, O.V. Panslavizm [Panslavism], in *Slavyanovedenie*, 1998, no. 6, pp. 43–60.

23. Prokudin, B.A. V.I. Lamanskiy o edinstve slavyan [Lamansky on the unity of the Slavs], in *Vestnik Rossiyskoy natsii*, 2016, no. 3, pp. 70–82.

24. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN* [St Petersburg branch of the RAS Archive], fund 35, inventory 1, storage unit 1.

25. Teslya, A.A. Neskol'ko zamechaniy o «slavyanskom voprose» v debatakh o «narodnosti» i «natsii» 1840–1870-h gg. [A Few Remarks on the “Slav Question” in the Debates on “People” and “Nation” in the 1840s–1870s], in *Puti Rossii. Novyy staryy poryadok – vechnoe vozvrashchenie?* Moscow: Redaktsiya zhurnala «Novoe literaturnoe obozrenie», 2016, pp. 211–221.

26. Vlahek, D. Deutschnationaler und nationalsozialistischer Antislawismus – Kontinuitäten und Paradigmenwechsel eines heterogenen Ressentiments (1848–1945) [German National and National Socialist Anti-Slavism – Continuities and Paradigm Shifts of a Heterogeneous Resentment (1848–1945)], in *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 2022, Bd. 71, no. 1, pp. 1–38.

(Monographs)

27. Boldin, V.A. *Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genesis i evolyutsiya* [Pan-Slavist political concepts: genesis and evolution]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Akvilon", 2018. 376 p.

28. Černý, V. *Vývoj a zločiny panslavismu* [The development and crimes of Pan-Slavism. Prague: Inst. for Central Europe. culture and politics]. Praha: Inst. pro středoevrop. kulturu a politiku, 1995. 151 p.

29. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. *Akademik V.I. Lamanskiy: Materialy k biografii i nauchnoy deyatel'nosti* [Academician V.I. Lamansky: Materials for Biography and Scientific Activities]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2020. 560 p.

30. Prokudin, B.A. *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the history of politics and thought in Russia in the 19th century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. 218 p.

31. Prokudin, B.A. *Idei slavyanskogo edinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the history of politics and thought in Russia in the 19th century]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2007. 132 p.

32. Vlček, R. *Ruský panslavismus – realita a fikce* [Russian Pan-Slavism – reality and fiction]. Praha: Historický ústav AV ČR, 2002. 291 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

33. Rokina, G.V. *Teoriya slavyanskoy vzaimnosti v istorii slovatsko-russkikh nauchnykh i kul'turnykh svyazey XIX veka*. Diss. ... d-ra ist. nauk [The theory of Slavic reciprocity in the history of Slovak-Russian scientific and cultural relations of the 19th century. Dr. hist. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 2005. 381 p.